

И.В. Демичев, Г.Д. Султанова**ТИПЫ, ВИДЫ И РЕЖИМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ**

Статья посвящена исследованию групповых идентичностей на основе системного и структурно-функционального подходов, а также с точки зрения теории конструктивизма. В сложной системе идентичностей выделяется одна общая идентичность и частные групповые идентичности. Их можно условно разделить на четыре типа: территориальные, профессионально-стратовые, этнические и конфессиональные. Взаимоотношения этих элементов между собой, а также с общей идентичностью могут быть комплементарными или противопоставленными, взаимными и невзаимными. Комплементарные и взаимные отношения усиливают систему идентичностей, в то время как противопоставленные невзаимные ее ослабляют. В зависимости от роли в общей системе выделяются три вида идентичностей: фокусные, вторичные, атрибутивные, где фокусные идентичности выступают центром, вторичные определяются через фокусные, и атрибутивные проявляются лишь частично. Отношения между этими идентичностями и распределение по видам системы являются динамичными и возможен их переход из одного вида в другой. На основе данных отношений формируются режимы функционирования идентичностей, которые сводятся к стабильному и нестабильному режимам. При нестабильном режиме функционирования может быть режим акцентированной идентичности и режим инерционной идентичности. В первом случае идентичности присваивается обязательный статус, а при втором режиме идентичность сводится в большинстве своем лишь к внешней атрибутике. Данные установки могут быть и внутри одной идентичности, и в соответствии с тем, какие установки преобладают в нем, формируется общий режим функционирования этой идентичности. К теоретическим утверждениям даны примеры из истории и современной социальной жизни России.

Ключевые слова: *конструктивизм, идентичность, типы идентичностей, виды идентичностей, режимы функционирования идентичностей, динамика идентичности.*

К исследованию понятия идентичности применяются различные социологические теории и подходы, начиная с теории символического интеракционизма и заканчивая феноменологической социологией. В данной работе групповые идентичности и их взаимодействие рассматриваются в рамках системного и структурно-функционального подходов и теории конструктивизма.

С точки зрения системного и структурно-функционального подходов [1, 2] комплекс идентичностей составляет систему, где всякая данная идентичность выступает элементом, и отношения между ними создают устойчивую структуру. Каждая идентичность, в зависимости от своего положения и положения в отношении других, выполняет определенную функцию и играет

© Демичев И.В., Султанова Г.Д., 2018

Демичев Илья Валерьевич – канд. филос. наук, науч. сотрудник Центра социокультурного анализа ГАНУ Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, e-mail: sentmerv@mail.ru.

Султанова Гульфина Дамировна – младший научный сотрудник Центра социокультурного анализа ГАНУ Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, e-mail: gulsultan@mail.ru.

определенную роль, влияя на динамику системы в целом. В то же время идентичности рассматриваются в русле конструктивистского подхода [3–5] как некий конструкт, который не только создается и воспроизводится социальными акторами, но также изменяется ими и влияет на их поведение. Различаются индивидуальные и групповые идентичности, причем индивид может входить в разные группы и обладать множественной идентичностью, в то время как групповая идентичность менее гибкая, так как основывается на заранее заданных параметрах [6].

Исходя из этого можно выделить типы и виды групповых идентичностей и их режимы функционирования с целью построения теоретической модели сложной системы идентичностей.

В рамках совокупности идентичностей данной общности можно выделить некоторую «общую», отражающую сопоставление с общностью в целом, и «частные», отражающие сопоставление с любым из входящих в нее сообществ (рис. 1). Они могут быть разделены на четыре основных типа: территориальные (локальные), профессионально-стратовые, этнические (национальные) и конфессиональные сообщества – у каждого из них будет и соответствующий тип идентичности.

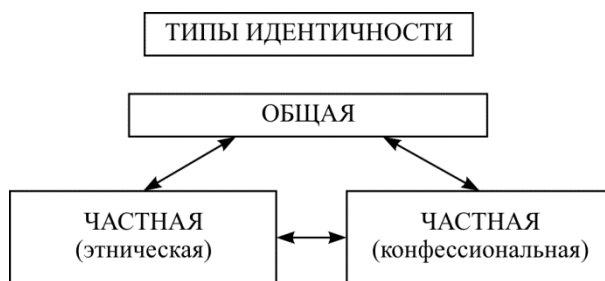

Рис. 1. Общая и частные идентичности

Отношения между этими элементами, как друг с другом, так и с общей идентичностью, могут быть двух типов, касающихся направленности и содержания, а именно:

1) комплементарные или противопоставленные, с точки зрения своего содержания; так, например, в дореволюционной России русская и православная идентичности были комплементарны, взаимно определяясь друг через друга;

2) взаимные и невзаимные, с точки зрения направленности; так, например, российская и украинская идентичности сейчас по-разному ориентированы друг на друга: российская не рассматривает украинцев как враждебных, украинская же позиционирует россиян как врагов.

Совпадающие по содержанию отношения взаимно усиливают друг друга, несовпадающие – столь же взаимно ослабляют; комплементарные отношения скрепляют систему идентичностей, но могут вызывать ослабление ча-

стных в пользу общей, противопоставленные ее ослабляют, но, как правило, усиливают конфликтующие стороны.

Отношения частных идентичностей между собой и к общей, строго говоря, не столь однозначны, в них всегда можно выделить блоки, которые более комплементарны другим, и блоки, им противопоставленные. За счет этого и оказывается возможным сведение их в систему и сама динамика отношений, которая определяется, на какие из этих блоков ориентированы носители данной идентичности.

Следовательно, для оценки состояния системы идентичностей необходимо выявить содержание каждой, ориентацию их носителей и составить «карту отношений» – какие идентичности комплементарны, а какие противопоставлены друг другу, общей системе в целом.

Типологически можно выделить три вида идентичностей, исходя из общей роли в системе (рис. 2): фокусные, вторичные, атрибутивные.

Рис. 2. Виды и направленность идентичностей

1. Фокусные идентичности, выступают некоторым центром, относительно которого выстраиваются все другие идентичности системы. Такой, в идеале, должна выступать российская национальная идентичность и выступала идентичность советская.

2. Вторичные – это идентичности, которые реально собирают некоторые сообщества, но при этом встроены в существующую иерархию и определяются в зависимости от фокусных. Это – практически все остальные идентичности системы: этнические, конфессиональные, территориальные и т.п.

3. Атрибутивные – это идентичности, которые могут проявляться в виде каких-либо своих фрагментов, отдельных аспектов, но при этом не создают устойчивых общностей. Они, как правило, ориентированы лишь на воспроиз-

водство некоторой атрибутики и не претендуют на какое-либо более существенное влияние. К таким относится большинство досуговых субкультур, некоторые территориальные и субэтнические сообщества.

Однако очевидно, что отношения между этими типами идентичностей, а тем более распределение по ним идентичностей данной системы, динамичны. Идентичности способны переходить из одного типа в другой. Например, конфессиональные идентичности в Новое время постепенно теряли статус фокусных, становясь вторичными по отношению к национальным. В некоторых случаях они уходили в статус атрибутивных, как это происходило с конфессиональными идентичностями в СССР; схожий процесс шел и в отношении национальных идентичностей.

Этими переходами определяются возможные отношения между типами идентичностей. Так, фокусная идентичность по отношению к остальным может занимать три варианта позиций: она *может собирать вокруг себя* остальные идентичности так, что они сохраняют собственную самостоятельность, но включаются в систему; она может *подчинять их себе*, включая их в систему при условии утраты самостоятельности; наконец, она *может подавлять их* – с целью либо удалить их из системы, либо полностью упразднить. Понятно, что данная фокусная идентичность может по-разному относиться к другим вторичным, что обуславливает сложность системы идентичностей вообще и конкретные напряженные и комплементарные отношения между элементами их структуры. Более того, такие позиции сами по себе могут изменяться: так, советская идентичность сначала предполагала «объединение социалистических наций» вокруг идеи построения социалистического, а затем – коммунистического общества; затем по мере становления советского строя появилась концепция «советской нации», по отношению к которой другие этнические группы и национальности СССР выступали бы частными вариантами. Позднее, в условиях националистических мятежей в некоторых союзных республиках, легитимированных острым противопоставлением национальных идентичностей советской, последняя могла бы перейти к их подавлению, чего, однако, не произошло [7].

В свою очередь, вторичные идентичности по отношению к фокусной могут также иметь три варианта позиции: они могут собираться вокруг нее, сохраняя свою самостоятельность, но вписываясь в систему; могут подчиняться, утрачивая свою самостоятельность; могут, наконец, противопоставляться фокусной идентичности, причем с двоякими целями: с целью сепарироваться и создать собственную иерархию идентичностей либо с целью занять фокусное положение в уже наличной системе. Здесь хорошим примером будет та же динамика соотношения идентичностей в советском общественном сознании, взятая с другой стороны.

Атрибутивные идентичности, несмотря на свой, казалось бы, случайный и не очень весомый характер, также могут участвовать в динамике системы,

реализуя три возможных типа отношений. Это простое собственное воспроизводство, не касающееся отношений к другим сообществам и идентичностям, поскольку они и так уже вписаны в существующую систему и в принципе не способны на какую-либо существенную роль в ней. Далее, это упадок и утрата собственной определенности, поскольку они имеют неустойчивый характер из-за слабого наполнения содержанием. Третий тип отношений – выход из инерционного состояния, когда атрибутивная идентичность начинает претендовать на статус некоторой самостоятельной единицы в системе, либо за счет насыщения своих атрибутов актуальными смыслами, либо за счет более активного позиционирования, что, опять же, неизбежно ведет к повышению ее рефлексивности.

Следует отметить, что, с одной стороны, это отношения именно и только в системе идентичностей, а не отношения между их носителями, сообществами и организациями. Поэтому изменения далеко не всегда ведут к обострению социальных отношений: если данное сообщество по каким-либо причинам начинает утрачивать содержание своей идентичности или наращивать его – само сообщество распадается, а его носители распределяются по другим актуальным сообществам, либо, наоборот, на него начинают ориентироваться другие сообщества или их члены вступать в данное. Активность или пассивность членов сообществ в отношении идентичности будет сказываться на их активности или пассивности в отношении других сообществ, если это задается актуальным содержанием идентичности. Кроме того, само содержание идентичности и степень ее рефлексивности зависит от актуальных же социальных отношений между сообществами. Следовательно, пусть и не всегда, но изменения в иерархии идентичностей может инициировать напряженность в отношениях между ними, и с еще большей вероятностью напряженность в отношениях между сообществами будет инициировать изменения в системе идентичностей.

Исходя из этого, можно говорить о разных режимах функционирования идентичностей. Здесь можно выделить также три варианта (рис. 3).

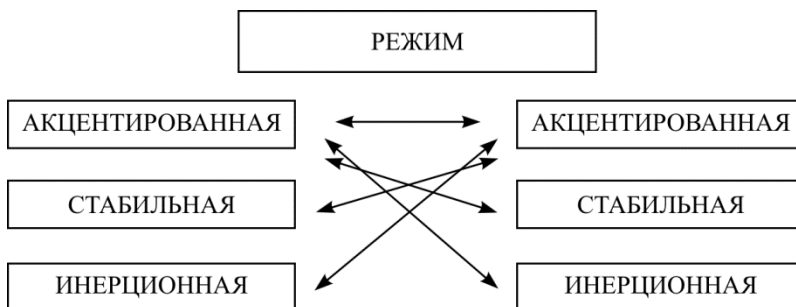

Рис. 3. Режимы функционирования идентичностей

Стабильный режим функционирования. Данная идентичность воспроизводится в данном сообществе на обычном для себя уровне, ее смыслы и образы достаточно распространены, а атрибутика актуальна. В этом случае данная идентичность сохраняет свой статус в системе, а сообщество, как правило, также не сильно динамично – оно не расширяется и не сужается, если это не задано иными институциональными рамками.

Два других режима функционирования идентичности нестабильны, они подразумевают те или иные изменения.

Режим акцентированной идентичности: ее содержание, атрибутика и носители активно и, если это возможно, целенаправленно распространяются в пространстве общности, им присваивается обязательный статус, санкционирование за следование или отступление от установок ужесточается.

Инерционный режим функционирования, когда связанная система установок идентичности распадается или фрагментируется, сводясь, как правило, к внешней атрибутике. В этом случае идентичность, наоборот, сокращает свое присутствие в пространстве общности, а ее носители перераспределяются в другие сообщества.

Необходимо отметить, что эти режимы касаются не только идентичностей в целом. Внутри данной идентичности можно выделить группы носителей с первыми, вторыми и третьими установками, отношения между которыми могут иметь неоднозначный характер. Так, носители акцентированной идентичности, скорее всего, будут рассматривать других, не столь ревностно относящихся к своим установкам, как своего рода предателей или, в лучшем случае, ресурс для достижения своих целей, и потому с их стороны отношения будут иметь по определению напряженный характер. В свою очередь, носители нормальной идентичности будут скорее благоприятно относиться к носителям инерционной идентичности, поскольку для них установки не имеют непреложного характера, а последние какую-то их часть воспроизводят. В то же время к носителям акцентированной идентичности, отношение может иметь как положительный, так и негативный характер: в благоприятных условиях, когда сообщество не ощущает угрозы собственной идентичности, акцентирование установок будет восприниматься скорее отрицательно, и между их носителями и остальными членами сообщества отношения будут напряженными. В условиях неблагоприятных, когда угроза идентичности (или сообществу) будет ощущаться, носители акцентированных установок будут распознаваться как «лучшие люди», и сообщество будет спланиваться вокруг них.

В зависимости от того, носители каких установок преобладают в данном сообществе, можно говорить об общем режиме функционирования соответствующей идентичности. Такую динамику можно отследить практически по всем идентичностям в России, в разном отношении на протяжении XX века.

Так, после революции и завершения складывания советского строя национальные идентичности вошли в период стабильного своего функционирования: они получили институциональное закрепление в виде как национально-государственных образований, так и остальной инфраструктуры современного индустриального общества – литературный язык, профессиональное искусство, национальную интеллигенцию, как гуманитарную, так и научную, национальную бюрократию и т.д. В то же время в условиях городской культуры зрелого модерна и масштабных миграционных процессов по территории СССР действительно стал складываться вне- или наднациональный тип отношений, в рамках которого прежние национальные идентичности все больше обретали черты инерционного воспроизводства, где фиксировалась лишь некоторая особенность национальной атрибутики (акцент, особенности личных отношений, кухня и т.п.), выступавшая несамостоятельной частью общих, универсальных отношений. Это и позволило говорить о «советской идентичности», «новой исторической общности – советском народе» не только в виде идеологических установок, но и как определенной реальности. Однако ко временам перестройки очевидным образом стала нарастать напряженность в национальных отношениях, во многих национальных сообществах СССР стали оформляться особые группы национальной интеллигенции, так или иначе обостряющие проблематику национальных отношений. Такие группы акцентировали национальные идентичности и противопоставляли их советской (а в значительной части и русской, с которой для нерусских народов отождествлялась советская идентичность; стоит отметить, что в русской идентичности происходили схожие процессы: русская советская и русская антисоветская идентичности активно противостояли друг другу, что выражалось в том числе и в установке «советское – значит, не русское»). Делегитимация советского строя и распад СССР разрушили основу, на которой складывалась советская идентичность, а вместе с ней – и советские идентичности наций СССР: русской советской, украинской советской, башкирской советской и т.п. Закономерным образом на первый план выступили антисоветские национальные идентичности – акцентированные и активно конструирующие свои мифы (в частности, апеллирующие к дореволюционным символам и символике Гражданской войны, ее антибольшевистской и антисоветской стороны). В то же время до сих пор социологические данные фиксируют определенную инерцию советской идентичности, что выражается в атрибутике, фрагментах культурно-символического и социально-институционального характеров, ценностных установок и т.д. Более того, сейчас можно уже утверждать, что советская идентичность постепенно выходит из инерционного режима, по крайней мере активно наращивается ее смысловое и символическое содержание и выстраиваются связи с другими идентичностями.

Режимы функционирования идентичностей по-разному будут выражаться и в отношении других сообществ и других идентичностей, что зависит от структуры связей между ними. Очевидно, что акцентированные идентичности одного уровня не могут комплементарно относиться друг к другу, поскольку все стороны будут настаивать на собственном доминировании – данная вторичная идентичность будет стремиться к тому, чтобы стать фокусной для другой, и наоборот. Во многом это проявляется в комплексе башкиро-татарских противоречий [8] или суфийско-салафитском конфликте в Башкортостане [9].

В то же время если в данной идентичности уже заложено лояльное вовлечение в большую систему, то акцентирование данных установок будет так же акцентировать и установки системы в целом – вторичная будет собираться вокруг фокусной. А если эти установки представлены как нелояльные к общей идентичности, этот режим будет наоборот ослаблять ее. В общем виде можно будет сказать, что в данном случае вторичная идентичность будет противопоставляться фокусной. Хорошим примером будет выступать сравнение национальных идентичностей в советском и антисоветском их варианте, как уже было рассмотрено выше.

Нормальные режимы функционирования идентичности, как уже говорилось, могут как комплементарно, так и напряженно относиться к носителям акцентированной «своей» идентичности, но они скорее всего будут негативно относиться к «чужим» акцентированным идентичностям, поскольку те предполагают подчинение или подавление данной. Отношение же к своим и чужим нормальным и инерционным идентичностям будет скорее комплементарное. Это наглядно можно отметить в отношении представителей национального сообщества – русских, башкир и татар – к представителям «национальных» общественных организаций, как своих, так и чужих: «профессиональные» представители своей нации во многом воспринимаются скептически, а чужой – враждебно.

Акцентированная фокусная идентичность скорее будет склонна к подчинению и подавлению других идентичностей системы, поскольку будет рассматривать их как часть себя или как нечто враждебное, неправильное. Нормальная фокусная идентичность скорее будет склонна к собиранию остальных идентичностей вокруг себя, в то время как инерционная не будет в состоянии удерживать статус фокусной идентичности в принципе.

Следует оговориться, что здесь существенным будет не только режим функционирования идентичности, но и ее собственные установки – насколько они окажутся склонны к собиранию, подчинению, подавлению или противопоставлению идентичностей в системе. Может вполне оказаться, что акцентированная фокусная идентичность уже заранее предполагает правильным самостоятельностью других идентичностей и их согласование в систему – в этом случае, акцентирование выступает не угрозой для других идентичностей, а га-

рантом общего порядка, как это и было в случае с советской идентичностью. Аналогично и со вторичными идентичностями, как уже было сказано выше.

В случае с атрибутивными идентичностями акцентирование позволяет им претендовать на статус вторичных, но вряд ли их собственный потенциал, как показывает практика атрибутивных и досуговых субкультур, окажется способен на какие-либо серьезные действия. Хотя практика «религиозного ренессанса», например, на постсоветском пространстве говорит, что переход этот вполне возможен и даже способен сопровождаться социальными конфликтами.

Таким образом, была сформулирована общая теоретическая модель сложной системы идентичностей, где выделяются общая, характеризующая отношение к социокультурной общности в целом, и частные, характеризующие отношения ко всем возможным сообществам, существующим внутри общности.

Работа подготовлена в рамках исполнения Государственного задания «Этноконфессиональный фактор в формировании российской гражданской идентичности в Республике Башкортостан».

Список литературы

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии: пер. с фр. – М.: Наука, 1991. – 576 с.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с.
3. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]; пер. с англ. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. – М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 288 с.
5. Хобсбаум Э. Изобретение традиции [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (дата обращения: 03.03.2017).
6. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. – М.: Изд-во АСТ: Транзиткнига, 2004. – 635 с.
7. Тишков В.А. О российском народе и национальной идентичности в России [Электронный ресурс]. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_rossisko.html (дата обращения: 20.05.2017).
8. Бердин А.Т. Башкиро-татарский этносоциальный симбиоз с точки зрения историософии [Электронный ресурс] // Вестник Башкирского университета. – 2015. – № 2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bashkiro-tatarskiy-etnosotsialnyy-simbioz-s-tochki-zreniya-istoriosofii> (дата обращения: 23.06.2017).
9. Юсупов Ю.М., Бердин А.Т. К вопросу о структуре мусульманской уммы: религиозные группы в Республике Башкортостан // Проблемы востоковедения. – 2017. – № 1. – С. 30–35.

References

1. Durkheim É. De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures [Russ. ed.: Diurkgeim E. Orazdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. Moscow, Nauka, 1991, 576 p.].
2. Parsons T. The system of modern societies [Russ. ed.: Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv]. Moscow, Aspekt-Press, 1998, 270 p.].
3. Anderson B., Bauer O., Hroch M. et al. Mapping the nations [Russ. ed.: Anderson B., Bauer O., Khrokh M. Natsii i natsionalizm. Moscow, Praxis, 2002, 416 p.].
4. Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism [Russ. ed.: Anderson B. Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma. Moscow, KANON-press-Ts, 2001, 288 p.].
5. Hobsbawm E. The invention of tradition [Russ. ed.: Khobsbaum E. Izobretenie traditsii, available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (accessed 3 March 2017)].
6. Huntington S.P. Who are we? The challenges to American national identity [Russ. ed.: Khantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoï natsional'noi identichnosti. Moscow, ACT, Tranzitkniga, 2004, 635 p.].
7. Tishkov V.A. O rossiiskom narode i natsional'noi identichnosti v Rossii [On the Russian nation and national identity in Russia], available at: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_rossisko.html (accessed 20 May 2017).
8. Berdin A.T. Bashkiro-tatarskii etnosotsial'nyi simbioz s tochki zreniia istoriosofii [Bashkir-Tatar ethno-social symbiosis from the perspective of the philosophy of history]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2015, no. 2, available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/bashkiro-tatarskiy-etnosotsialnyy-simbioz-s-tochki-zreniya-istoriosofii> (accessed 23 June 2017).
9. Iusupov Iu.M., Berdin A.T. K voprosu o strukture musul'manskoï ummy: religioznye gruppy v Respublike Bashkortostan [On the structure of Muslim umma: Religious groups in Bashkortostan Republic]. *Problemy vostokovedeniia*, 2017, no. 1, pp. 30–35.

Оригинальность 96 %

Получено 12.07.2017 Принято 30.08.2017 Опубликовано 30.03.2018

I.V. Demichev, G.D. Sultanova

TYPES, SORTS AND MODES OF IDENTITY FUNCTIONING

The article is devoted to the analysis of group identities on the basis of systematical and structural-functional approaches and in the view of constructivism theory. In the complicated system of identities the common identity and particular group identities are distinguished. They can be roughly divided into four types, i.e. territorial, professional, ethnic and confessional ones. Interrelations among particular group identities and their interaction with common identity can be complementary or opposed, reciprocal or nonreciprocal. Complementary and reciprocal relations strengthen the system of identities while opposed or nonreciprocal relations weaken it. According to the role in the whole system three forms of identities are considered. The focused identities make up the core, the secondary identities are defined through the focused ones and the attributive identities are partially fixed. Interrelations between these identities and their distribution in the system are dynamic, so they can possibly change their form. Based on such relations stable and unstable functioning of identities can be figured out. Unstable functioning implies stressed or inertial identity modes. In the first case identity acquires obligatory status while in the second one identity is mainly treated as external attributes. This division can be within the one identity or in accordance with predominant orientation the general functioning mode of identity is developed. Theoretical statements are backed by the examples from Russian history and contemporary social life.

Keywords: constructivism, identity, identity types, identity forms, identities' functioning modes, identity dynamics.

Ilya V. Demichev – Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, Center of Sociocultural Analysis, Institute of Strategic Research of Republic Bashkortostan, e-mail: senmerv@mail.ru.

Gulфина D. Sultanova – Junior Researcher, Center of Sociocultural Analysis, Institute of Strategic Research of Republic Bashkortostan, e-mail: gulsultan@mail.ru.

Received 12.07.2017

Accepted 30.08.2017

Published 30.03.2018